

Цзянь Хуай сидел на банкетке. Его пальцы, безупречно точеные и изящные, замерли над черно-белой клавиатурой, прежде чем опуститься на клавиши. В ярком свете дня его ногти, тронутые болезненной белизной, казались почти прозрачными. Они пустились в пляс, извлекая из инструмента первые робкие звуки.

Музыка лилась чистая и беззаботная, словно детские грёзы о несбыточном мире; она звенела искристым смехом, была полна нежности и романтики. Но внезапно ритм изменился. Движения кистей замедлились, стали тягучими, наполнились тяжелой, непроглядной скорбью. Его будто сковали невидимые цепи: он едва приподнимал пальцы и с глухим рокотом обрушивал их на клавиши. Раздался жалобный стон струн.

Цзянь Хуай запрокинул голову. Он крепко зажмурился, пряча за веками бурю эмоций, и позволил рукам самим вести мелодию — ту самую, пропитанную горечью утраты. Он мелко подрагивал ресницами, напоминая крылья раненой бабочки. Когда он в последний раз с силой ударил по клавишам, звук отозвался в тишине комнаты глубоким, погребальным звоном колокола.

Цзянь Хуай открыл глаза. Он замер, устремив в пустоту ледяной взгляд.

— Как вы думаете, — бесстрастно спросил он, — отец когда-нибудь вернется ко мне?

Стоявший у рояля дворецкий склонил голову.

— Не изводите себя так, господин, — негромко отозвался старик. — Глава семейства всегда был добрым человеком. Господь не оставит его, он обязательно вернется невредимым.

— Будем надеяться.

Дворецкий тяжело вздохнул. Он хотел бы найти слова утешения, но не смел больше беречь эту рану. Вместо этого он сообщил, что в поместье прибыли посетители.

— Сегодня из лавки «Лувандэ» прислали человека — доставить вам табак Юньси. Груз ценный, поэтому господин Чэнь не решился оставить его прислуге и ожидает в малой гостиной. Вы как раз закончили играть... Не желаете ли принять его?

Табак привез Чэнь Чжиу, один из людей Алекса Кеннета. С тех пор как Цзянь Хуай прибыл в столицу, ему еще не доводилось встречаться с этим человеком.

Цзянь Хуай поднялся, машинально оправив белую рубашку и черные брюки. Он вышел из музыкальной комнаты и зашагал по длинному пустому коридору. Звук его шагов гулко разносился по дому, который казался одновременно и знакомым, и совершенно чужим.

Эта гулкая, безжизненная коробка, как бы сильно она ни напоминала его прежнее жилище, не

была домом, в котором он провел последние десять лет. Вчера он выставил Цзяи из поместья и распустил почти всю прислугу, оставив лишь дворецкого — единственного человека из прошлого, кому он еще мог доверять в этом безмолвии.

***

— Ты обещал моему отцу, что доставишь меня в столицу Восточных Земель. Ты исполнил свое слово, — Цзянь Хуай сидел на краю кровати, не глядя на стоявшего рядом Цзяи. — Теперь тебе пора уходить.

Волосы юноши были еще влажными после купания, на плечи был небрежно наброшен халат. Он смотрел в окно на расстилающийся пейзаж и говорил медленно, почти безжизненно:

— Если ты сможешь найти моего отца, я буду тебе благодарен. Если нет — нам больше не о чем говорить. Мы станем чужими людьми.

Цзяи не отрывал взгляда от профиля Цзянь Хуая — прекрасного, но застывшего в безразличии. Он подумал, что сердце этого юноши и впрямь выковано из вечного льда, который невозможно отогреть. Все те мгновения нежности, что были между ними прежде, теперь казались лишь горькой иллюзией. И всё же отпустить его было выше сил Цзяи.

— Я не смогу, — глухо произнес он, кладя руку на плечо юноши.

Цзянь Хуай резко обернулся. Вперив взгляд в зеленые глаза Цзяи, он отчеканил:

— Раньше я не знал, что такое настоящее отвращение. Но теперь, глядя на тебя, я наконец понял вкус этого чувства.

Его голос крепнул, становясь всё более жестоким:

— Ты прав, я говорил, что верю тебе. Но мой разум кричит об обратном. Почему Лилян внезапно скосила болезнь? Как Кеннет мог так просто попасть в руки бандитов? Почему ты спас жизнь моему отцу лишь для того, чтобы снова бросить его в когти смерти?..

Внезапно Цзянь Хуай сорвался. Холодная сдержанность сменилась ядовитой злобой. Слова, подобные отточенным лезвиям, сыпались одно за другим — он хотел вскрыть грудную клетку Цзяи, хотел увидеть его кровь, его муку.

В этот миг Цзянь Хуай чувствовал, что контроль над телом захватила иная, совершенно незнакомая ему личность. А его собственная душа забилась в дальний угол сознания, в ужасе наблюдая за этой вспышкой безумия.

— Уходи. Я не хочу тебя видеть.

Он смотрел почти по-звериному. Он гнал этого человека прочь, как назойливое воспоминание.

Цзяи ушел. Его тень окончательно исчезла из этого дома.

Когда за ним закрылась дверь, Цзянь Хуай мгновенно затих. Он продолжал сидеть, не шевелясь, долгие часы. За последние дни он сильно сдал. Спина, которую он привык держать прямо, казалась теперь хрупкой и тонкой, ключицы остро выпирали, а на бледной, почти прозрачной коже отчетливо проступила сетка голубоватых вен.

— Неужели я умираю? — прошептал он, прижав ладонь к груди.

Сердце колотилось так неистово, словно вот-вот должно было выпрыгнуть из горла. Мысли путались, а обрывки воспоминаний давили на разум, причиняя почти физическую боль.

Он моргнул синими глазами, и на его длинных ресницах заблестела влага. Он смотрел в пустоту с растерянностью и надломом.

В этот миг он был похож на ребенка, который заблудился в лесу и внезапно осознал, что пути назад нет.

Спустя долгое время Цзянь Хуай поднялся. Ноги затекли и неприятно покалывали. Подойдя к столу, он дрожащими пальцами выудил сигарету Юньси и прикурил. Зажав её между сухих губ, он замер, делая глубокую затяжку. Огонек мерцал в полумраке, наполняя комнату тонким ароматом табака. Напряжение понемногу отпускало, бешеный ритм сердца замедлился.

Когда в комнату вошел дворецкий, Цзянь Хуай не оборачиваясь произнес:

— Выбросьте всю ту одежду Восточных Земель.

Он выпустил изо рта струйку серого дыма и безразлично добавил:

— Она мне больше не нужна. Ничего из этого больше не имеет значения.

***

Цзянь Хуай вошел в малую гостиную.

Чэнь Чжиу сидел на краешке стула. Увидев юношу, он вскочил и, с трудом согнув свою тучную фигуру, отвесил глубокий поклон.

— Молодой господин, господин Цзяи велел доставить вам табак. Обычно он делал это лично, никому не доверяя, но сегодня почему-то не явился. Вот я и взял на себя смелость...

Цзянь Хуай молча опустил в кресло. Чэнь Чжиу засеменил к нему, бережно держа в руках лакированную шкатулку.

— У меня как раз почти ничего не осталось. Очень вовремя, — Цзянь Хуай открыл резную крышку. По комнате разлился изысканный аромат дорогого табака; внутри, на золотистом шелке, ровными рядами лежали плотные свертки.

— Вы курите слишком много, господин, а табак Юньси капризен в хранении, поэтому господин Цзяи приказал пополнять запасы каждые три дня. Сегодня был срок, но его и след простыл...

— Чэнь Чжиу внезапно осекся и, наклонившись к самому уху Цзянь Хуая, зашептал: — Мой хозяин велел передать вам: то, что случилось с господином Кеннетом и госпожой Лилиан — не случайность. Люди хозяина схватили одного из охранников, которых посылал Цзяи. Его зовут Сия. После... тщательного допроса тот признался: и господин Кеннет, и госпожа Лилиан погибли от рук бандитов. И именно Цзяи был тем, кто сговорился с разбойниками.

Цзянь Хуай резко вскинул голову.

«Сия»... Цзяи вчера упоминал это имя. Он говорил, что Сия — единственный выживший из его свиты, и что он сейчас прочесывает леса в поисках Кеннета.

— Где сейчас этот охранник? — спросил он, чувствуя, как голос дает осечку.

— Хозяин лично везет его в столицу. Завтра они будут здесь, и вы сможете сами допросить этого мерзавца...

Мир вокруг Цзянь Хуая начал расплываться.

Он вспомнил лицо Цзяи. Тот улыбался ему — так нежно, так преданно. Он обещал: «Я хочу быть только твоим Цзяи. Я защищу всё, что ты любишь. Твои страхи никогда не станут явью».

Но внезапно перед глазами вспыхнуло иное видение. Высокий, красивый Цзяи с той же мягкой улыбкой на губах вонзает клинок в грудь Кеннета, а затем — в сердце Лилиан. Алая кровь брызжет на его рубашку. И вот Цзяи прижимает Цзянь Хуая к себе, его тело обжигает жаром, а пятна крови марают щеку юноши.

«Я ведь люблю тебя, — шепчет фантомный Цзяи ему на ухо. — Только я один тебя люблю».

Голос Чэнь Чжиу доносился откуда-то издалека, тихий и невнятный. Цзянь Хуай видел лишь, как шевелятся его толстые губы, но не разобрал слов. В груди стало невыносимо тесно, дыхание перехватило.

— Я понял... — выдавил он из себя, сжимая кулаки до белизны в костяшках.

Цзянь Хуай попытался встать, но комната вдруг качнулась и перевернулась. Тьма нахлынула внезапно, тяжелым покрывалом обрушившись на его сознание.

В этот последний миг он лишь молил об одном: проснуться. Проснуться и обнаружить, что весь этот кошмар, затянувшийся на годы, наконец закончился.

<http://bllate.org/book/17462/1695069>